

К 150-летию со дня рождения

ЮБИЛЕЙНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІИ,
СѢТЕЦЪ СѢТЕЧЕСТВА ІМПЕРАТОРЪ ВСЕРОСІ

ТАРЛЕ
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
И ШВЕДСКОЕ НАШЕСТВИЕ
НА РОССИЮ

РУССКИЙ ФЛОТ
И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ПЕТРА I

Москва
2024

УДК 94(47)°1700/21°
ББК 63.3(2)46
Т20

150-летию со дня рождения академика *Е. В. Тарле*

На фронтисписе: Гравюра П. Пикарта и А. Ф. Зубова
«Петр Великий Отец Отечества Император Всероссийский». 1707, 1721 гг.

Тарле, Евгений Викторович.

Т20 Северная война и шведское нашествие на Россию; Русский флот и внешняя политика Петра I / Тарле Евгений Викторович. — Москва : Эксмо, 2024. — 800 с. : ил. — (Юбилейное собрание сочинений академика Е. В. Тарле. Том 4).

ISBN 978-5-04-207942-9

События первой четверти XVIII века стали тем переломным периодом в истории Российского государства и всей Европы, который на много поколений вперед изменил судьбу стран и народов континента. Северная война 1700—1721 гг., или, как ее называют в зарубежной исторической литературе, Великая Северная война, коренным образом повлияла на расстановку политических сил. В долгой исторической эпопее сопротивления России всем агрессорам, периодически пытавшимся подчинить ее своей воле, катастрофическая гибель шведских захватчиков навеки заняла по праву одно из самых выдающихся мест. Это было время, когда наша страна огромными усилиями всей нации заняла место в числе могущественнейших мировых держав. «Была та смутная пора, Когда Россия молодая, В бореньях силы напрягая, Мужала с гением Петра» . (*А. С. Пушкин*).

Книга Е.В. Тарле о Северной войне стала его последним капитальным трудом, причем такого профессионального уровня, до которого не удалось дотянуться ни одному современному историку. Из-под пера ученого вышел обобщающий труд о блистательной победе русского оружия под Полтавой и событиях, ей предшествующих. Тарле удалось обстоятельно осветить и военные действия русских войск на различных театрах войны, и усилия русской дипломатии этого периода. В книге были также изложены события до начала вторжения и последние этапы войны вплоть до Ништадтского мира. События в России были представлены в тесной связи с тем, что происходило в Швеции, Польше и других странах, как тайно и явно воевали армии, полководцы и дипломаты разных заинтересованных стран, как менялись тактика и стратегия противоборствующих сторон, как проходили мирные переговоры. Какими, наконец, усилиями Петр Великий создал не только новую армию и флот, которые превзошли лучшую в Европе армию — шведскую, но саму Российскую империю.

УДК 94(47)°1700/21°
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-04-207942-9

© Иллюстрации, макет, оформление. Fortune Triumph Ltd., 2022
© Текст. Наследник, 2021
© Оформление. ООО И«здательство «Эксмо», 2024

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Исследование о причинах, подготовке и результатах Северной войны должно было стать первой частью из задуманной Е. В. Тарле глобальной трилогии об исторических победах русского оружия. Вернее будет сказать, трилогия была запланирована для маститого ученого верховным поклонником, главным читателем и генеральным почитателем его творчества И. В. Сталиным.

К своему 70-летию Е. В. Тарле подошел осыпанный всеми возможными милостями. Ученого можно было смело назвать историком № 1 Советского Союза. Он получил максимальное количество наград и отличий: стал кавалером трех орденов Ленина и двух орденов Трудового Красного Знамени, был удостоен почетных докторских степеней нескольких зарубежных университетов, а также избран в ряд иностранных академий.

В 1942 г. Тарле в числе других авторов стал лауреатом Сталинской премии первой степени за коллективную монографию «История дипломатии», в 1943 г. — за авторский труд «Крымская война». Все военные годы Тарле активно работал как лектор и публицист. В последнем качестве он был одним из тех, чьи статьи публиковались и перепечатывались за рубежом, и это обстоятельство, видимо, послужило причиной того, что фашистской администрацией он был включен в список лиц, подлежащих немедленному уничтожению после ожидавшейся победы вермахта.

В 1948 году Тарле было передано поручение Сталина написать трилогию «Русский народ в борьбе против агрессоров» о шведском, наполеоновском и гитлеровском нашествиях. Более того, ЦК КПСС настаивало, чтобы Тарле подписал договор сразу на все книги. Таким образом, ученый оказался в положении В. О. Ключевского, от которого императорский двор пожелал получить книгу об Александре III. Но если Ключевский мог отказаться, то для Тарле такой путь был закрыт: сталинское самодержавие было гораздо жестче романовского. «Есть предложения, от которых не отказываются,» — написал Тарле своему коллеге.

Ученый начал с Северной войны, надеясь, что вопрос решится сам собой. 5 августа 1948 года он заключил с Госполитиздатом

договор на книгу «Северная война и шведское нашествие на Россию». К середине 1950 года рукопись объемом 40 печатных листов была готова. Из-под пера ученого вышел обобщающий труд о блистательной победе русского оружия под Полтавой и событиях, ей предшествующих. Тарле удалось обстоятельно осветить и военные действия русских войск на различных театрах войны, и усилия русской дипломатии этого периода. В книге были также изложены события до начала вторжения и последние этапы войны вплоть до Ништадтского мира; события в России подавались в тесной связи с тем, что происходило в Швеции, Польше и других странах.

С изданием книги, однако, возникли неожиданные трудности. 12 июня 1950 г. Тарле послал рукопись Сталину. Однако желанного распоряжения об издании книги не последовало. Почему? Вероятно, потому, что маститый ученый так и не приступил к написанию наиважнейшего, с точки зрения генералиссимуса, третьего тома о выдающейся роли Сталина в победе в Великой Отечественной войне. Хотя еще в незабываемом 1949 году Тарле было прямо указано, чтобы он взялся именно за историю Великой Отечественной.

В августе 1951 г. в журнале «Большевик» появилась статья директора музея «Бородинская панорама» Кожухова «К вопросу об оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г.». Кожухов заявлял, что книга Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» «проникнута духом преклонения перед иностранными историками». Разумеется, публикация в центральном партийном органе статьи с обвинениями безвестного автора в адрес именитого академика могла увидеть свет лишь с санкции высшего руководства. Только после письменного обращения к Сталину и обещания немедленно начать работу над историей Великой Отечественной травля была приостановлена.

Тем не менее последующие части трилогии так и не были написаны. Евгений Викторович Тарле умер в Москве 6 января 1955 года.

Книга «Северная война и шведское нашествие на Россию» была издана посмертно в 1958 г. В качестве признания значимости научного творчества Тарле, с 1991 г. премия РАН за выдающиеся научные работы в области всемирной истории и современного развития международных отношений носит его имя.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

И ШВЕДСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА РОССИЮ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ. ОТ АВТОРА

В основу своей работы о шведском нашествии я положил прежде всего и больше всего, конечно, русские материалы: как неизданные архивные данные, так и опубликованные источники. А затем, ставя одной из целей своего исследования опровержение фактами старых, новых и новейших враждебных России измышлений западноевропейской историографии о Северной войне и, в частности, о нашествии 1708–1709 гг., я должен был, разумеется, привлечь и почти вовсе игнорируемые нашей старой, дореволюционной историографией и особенно старательно замалчиваемые западными историками шведские, английские, французские, немецкие свидетельства.

Эти документальные показания современников, часто совершенно помимо воли и вразрез с намерениями авторов, знакомят со многими ценными фактами, вполне подтверждающими ряд существенных данных, почерпнутых из русских источников. Именно секретнейшие донесения иностранных послов своим правительствам с очевидностью выявляют порой многое, что могут дать только такие строго засекреченные признания этих сидевших в Москве соглядатаев, которые делятся с начальством своими наблюдениями и своей тревогой, своими опасениями, советами и сообщениями о дипломатических минах и контрминах в борьбе против крепнущей не по дням, а по часам мощи Русского государства.

Они подтверждают, например, такие факты, что: 1) Петр в деле организации и оснащения русской армии и в деле создания флота нуждался в иностранцах несравненно меньше, чем писали позднейшие западные историки, а за ними долго повторяли охотно верившие им русские дворянские и буржуазные историки и публицисты; 2) последствия народной войны против шведского вторжения в Белоруссии и на Украине были даже в самые первые времена нашествия гораздо губительнее для шведской армии, чем это обыкновенно думали. Выявить этот факт в подробностях могли, конечно, показания, идущие и из русского, и из шведского

лагерей; 3) вся энергия английского дипломатического вредительства, направленного в ущерб России (и до и после Полтавы), характеризуется именно секретными английскими документами, где английские послы беседуют вполне откровенно со своим начальством обо всех интригах и, говоря языком XVIII в., обо всех «каверзах и подвохах» против России; характерно, что эти документы опубликованы в России, но отнюдь не в Англии; 4) наконец, французские и немецкие показания как служебно-дипломатические, так и литературного происхождения дают некоторые характерные детали о высокой степени реального могущества на суше и на море, достигнутого русским народом уже в последние годы Северной войны. Они же дают понятие о том, с каким восхищением военные теоретики XVIII в. говорили о громадных новаторских достижениях петровской стратегии.

Вообще же вся предлагаемая работа основана от начала до конца на чисто русском материале, который лишь дополнен и подкреплен материалами иностранными там, где эти материалы являются, по сути дела, заслуживающими внимания, критического изучения и использования.

Читатель из дальнейшего поймет и увидит, почему именно эти цитируемые мною иностранные источники так умышленно и старательно замалчивались и продолжают замалчиваться исторической литературой в Западной Европе и Америке и почему подавляющая масса именно этих иностранных свидетельств, переписанных из иностранных архивов, была издана не в Англии, не во Франции, не в Швеции, а именно у нас, в России, русскими учеными обществами и другими русскими организациями.

Предлагаемая работа состоит из шести глав.

Первая глава дает сжатое изложение событий Северной войны, предшествовавших вторжению Карла XII в пределы Русского государства. Здесь рассматриваются те мотивы, которые заставили Россию продолжать и в начале XVIII в. добиваться подступа к морю, как она безуспешно, но упорно добивалась этого и в XVI и в XVII вв., а также те условия, которые, несмотря на все трудности и первоначальные тяжелые военные неудачи, позволили Русскому государству уже в первые семь лет военной борьбы (1700–1707) прочно утвердиться в Ингрии, Эстляндии (Эстонии) и отчасти в Ливонии.

Вторая, третья, четвертая, пятая главы посвящены рассказу о нашествии шведов на русскую территорию, начавшемся весной 1708 г. и закончившемся отчасти физическим уничтожением, а отчасти пленением всей шведской армии 27 июня под Полтавой и 30 июня 1709 г. под Переволочной и бегством Карла XII в Турцию. Здесь дан анализ обстоятельств, приведших к этой блистательной победе русской армии над агрессором и к разгрому шведской армии, не только считавшейся непобедимой, но и на самом деле бывшей по своим боевым качествам первой во всем тогдашнем западноевропейском мире. Особое внимание посвящено тут русской народной войне против шведского агрессора, не только могущественно содействовавшей полнейшему, безнадежному провалу изменнического предприятия гетмана Мазепы, но и подготовившей конечную шведскую катастрофу под Полтавой и Переволочной.

Наконец, в последней (шестой) главе рассматриваются ближайшие политические последствия Полтавской победы как для Швеции, так и для России. Эта глава является как бы послесловием и, подобно первой, вводной, главе, выходит за точные хронологические пределы основной темы моей работы, но (тоже подобно первой главе) она совершенно необходима для полного понимания всего значения великой победы русского народа над вторгшимся в Россию агрессором.

Как в первой, вводной, главе, так и в шестой, заключительной, конечно, изложение событий далеко не так подробно, как в пяти главах, посвященных навеки памятной истории 1708–1709 гг. Автор ни на минуту не упускал из виду, что он пишет историю не всей Северной войны, но только героической борьбы, происходившей на русской территории, куда весной 1708 г. вторгся и где в июне 1709 г. нашел свою полную гибель агрессор.

Этот год непосредственной борьбы России за свое государственное самостоятельное существование бесповоротно определил счастливое для русского народа окончание всей Северной войны.

В долгой исторической эпопее сопротивления России всем агрессорам, периодически пытавшимся подчинить ее своей воле и своим интересам, катастрофическая гибель шведских захватчиков навеки заняла по праву одно из самых выдающихся мест.

ГЛАВА I

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА ДО ВТОРЖЕНИЯ ШВЕДСКОЙ АРМИИ В ПРЕДЕЛЫ РОССИИ. 1700–1708 гг.

1

Первая четверть XVIII в. была тем периодом истории русского народа, когда на несколько поколений вперед решалась его историческая судьба. Прямые потребности его дальнейшего экономического развития, необходимость преодолеть хотя бы отчасти большую экономическую и техническую отсталость, повелительно дававшая себя чувствовать потребность покончить со многими обветшалыми и тормозящими пережитками старины в практике правительственной деятельности — все это поставило еще в допетровском поколении перед сколько-нибудь прогрессивно и самостоятельно мыслящими людьми грозный вопрос о возможности дальнейшего сохранения государственной безопасности и даже о национальном самосохранении в широком смысле этого слова, если остаться при рутинном быте, политическом и общественном, при рутинной, непримиримо консервативной идеологии, при отказе от сколько-нибудь активной внешней политики.

Эта политика неминуемо должна была продолжить линию дипломатической и военной деятельности Ивана Грозного и непременно вывести Россию к морю. Требовалась ускоренная, трудная и, главное, одновременная работа в двух областях: нужно было торопиться проводить одну за другой хотя бы необходимейшие внутренние реформы и в то же время вести долгую войну против грозного, прекрасно вооруженного, озлобленного и беспощадного врага.

Русский народ нашел в себе могучие силы и неисчерпаемые средства, чтобы поднять на свои плечи и вынести на себе неимоверное бремя этой двойной внутренней и внешней работы.

Русский народ создал Петербург, новую армию и первоклассный флот, не только отстоял свою самостоятельность от отчаянных нападений неприятеля, но и сделал Россию державой мирового

значения. И одновременно стал на путь нового политического развития, которое при всех своих темных, отрицательных сторонах все же было явлением прогрессивным сравнительно со стариной. В этой гигантской работе русский народ выдвинул на руководящее место личность, исключительную по своим гениальным разнообразным дарованиям, по своей неукротимой энергии, по смелому дерзанию, по крайней мере в отношении методов, какие Петр пускал в ход.

Эта черта и заставила некоторых авторов, писавших о нем, впасть в историческую ошибку, называя время Петра «революцией». До революции Россия должна была еще прожить двести лет, и незачем вносить методологические и терминологические неточности в изучение громадной реформаторской деятельности Петра. Энгельс сопоставил Петра с Фридрихом II, королем Прусским. Он это сделал именно затем, чтобы сказать о Петре: «Этот действительно великий человек», а говоря о Фридрихе, поставить слово «великий» в иронические кавычки¹.

Конечно, Фридрих II был крупным политическим деятелем XVIII в., но если принять во внимание, что его внутренняя деятельность не была ознаменована ни единой сколько-нибудь крупной реформой, что война, которую он вел, едва не окончилась полной его (и прусского государства) гибелью и спасен он был исключительно, как сам признавал это, смертью русской императрицы Елизаветы, то применять к нему тот же эпитет, как к Петру, в самом деле можно лишь в припадке острого прусского шовинизма, против которого Маркс и Энгельс вели всегда ожесточенную борьбу.

Долгая борьба против Швеции началась при очень невыгодных условиях русской технической отсталости, которую нужно было спешно превозмогать. В области военной организации кипучая реформаторская деятельность Петра привела к созданию в невероятно короткий срок новой армии, в которой было очень удачно совмещено все хорошее, что Петр нашел в области военной организации на Западе, с некоторыми правильно оцененными положительными чертами старорусского ратного дела. И уже вскоре после первой Нарвы русские артиллеристы стреляли из орудий, сделанных русскими мастерами на своих оружейных заводах из своего железа и меди, и русские корабельные мастера строили

на своих верфях суда, которые ничуть не уступали ни английским, ни голландским, ни французским.

Необычайное усиление централизации власти шло при Петре параллельно с упорными, энергичнейшими мероприятиями правительства по созданию и укреплению промышленной деятельности. Широкие привилегии, субсидии, всяческие поощрения и награды сыпались на удачливых предпринимателей; правительство и само выступало, где это было нужно и возможно, в роли хозяина и распорядителя промышленных предприятий. Устройство каналов, прокладка новых и расширение старых сухопутных путей сообщения позволили использовать далекие естественные богатства — железную руду Урала, строевой лес Средней, Восточной и Северной России, особенно лес мачтовый, предмет всегдашней зависти англичан, которые были усердными его покупателями.

Торговые операции как в области торгового внутреннего, так и в области заграничного экспорта приобрели невиданные прежде на Руси размеры. И тогда уже, заметим к слову, сказала черта, которая так восхищала иностранных наблюдателей впоследствии, во второй половине XVIII в.: правила, введенные в России, гораздо меньше стесняли ремесленную и торгово-промышленную деятельность, чем это было в ту пору цехового законодательства, например, во Франции, в Пруссии, в габсбургских владениях, в государствах Апеннинского и Пиренейского полуостровов и в той же Швеции.

Заводы, «манифактуры», заботы о водных и сухопутных сообщениях, начало торгового флота — все это были явления очень значительные, знаменовавшие, бесспорно, прогресс в русской экономике, но ни в это время, ни очень долго после него никаких существенных изменений в феодально-крепостническом способе производства и в общественных условиях не было.

Мало того, не только не наблюдалось никаких смягчающих обстоятельств в практике крепостнических отношений, но именно относительно петровского времени должно повторить то, что сказал в свое время В. И. Ленин, борясь со слащаво-лицемерными попытками либеральной историографии «подкрасить» всю историю русского крепостного права: «Не хрупким и не случайно созданным было крепостное право и крепостническое поместное сословие в России, а гораздо более “крепким”, твердым, могучим,

всесильным, “чем где бы то ни было в цивилизованном мире”»². И в другом месте он подчеркивает, что только после 19 февраля 1861 г. «на смену крепостной России шла Россия капиталистическая»³.

Всякая модернизация экономики России времени Петра была бы грубой антиисторической ошибкой.

Хозяйство России в первой четверти XVIII в. и позже оставалось хозяйством феодально-крепостническим. Поскольку крепостные крестьяне стали еще более зависимыми от землевладельца, пребывая такими же, как и до Петра, беспомощными перед произволом низших и высших носителей государственной власти, постольку и создаваемая при Петре крупная добывающая и обрабатывающая промышленность неминуемо начала базироваться на подневольном труде закрепощенных крестьян, «поверстанных» в заводские и мануфактурные рабочие.

Не следует этого забывать и впадать в преувеличения. В новую, буржуазную, общественную формацию Россия при Петре еще перейти не успела. Но создаваемый тип абсолютистской монархии при Петре был уже более новым, более приспособленным к усложненной экономической жизни политическим строем, чем самодержавие XVII в. Абсолютизм первой четверти XVIII в. был прежде всего сильнее, осведомленнее, оперативнее, чем очень отсталый аппарат царской власти времен Алексея Михайловича. А кроме того, абсолютизм при Петре стал несравненно богаче экономическими ресурсами.

Быстро шедшее в гору развитие промышленности и торговли давало возможность прежде всего обеспечить техническим оснащением новую армию и только что возникший флот. Дворянство и купечество как два класса, господствующие над низшей податной массой и ее нещадно эксплуатирующие, но при этом всецело подчиняющиеся воле монарха, которая передается и осуществляется посредством сложного и очень разветвленного бюрократического аппарата,— такова была структура петровского государства, по крайней мере в том виде, как его замышляло и строило законодательство времени Петра.

И в разгаре гигантской перестройки всего государственного аппарата России пришлось повести тяжелую, упорную, опасную

борьбу за возвращение отнятого у нее морского побережья, за выход к морю.

2

Насильственное отторжение от России ее приморских владений началось еще в XVI столетии. Борьба Ивана Грозного за доступ русского народа к морю не увенчалась успехом и окончилась потерей очень ценной территории.

Фриксель и другие шведские историки не правы, когда говорят, что Ингрия (Ингерманландия) была в свое время первой территорией, захваченной шведами у русских. Ингрия (старая Новгородская «Водская пятина») была захвачена шведами лишь по Столбовскому договору 1617 г. А еще в 1595 г. по русско-шведскому мирному договору, заключенному 10 мая 1595 г. в городе Тявзине, русские принуждены были, несмотря на свои протесты, «уступить княжество Эстляндию» «со всеми замками, которые суть: Нарва, Ревель, Вейсенштейн» и т. д. Только в 1703–1704 гг. вслед за Ингрией наступила очередь Эстляндии (Эстонии), и она в процессе продолжающейся войны была возвращена России.

Заметим, кстати, по поводу этой идущей от Ивана Грозного традиции борьбы за море, что в своих работах Маркс и Энгельс неоднократно высказывались, как известно, в самых решительных выражениях, что Россия не могла нормально развиваться, не получив свободный выход к морю. О колоссальном значении повелительного требования, выдвинутого всей русской политической и экономической историей, овладеть выходом к Балтийскому морю Маркс говорит и в четвертой тетради своих замечательных «Хронологических выписок»⁴.

Нужно, однако, заметить, что предшественники Карла XII на шведском престоле — и Карл IX и Густав Адольф, приходившие в столкновение с Россией в самый критический момент ее существования, в разгаре разрухи Смутного времени и в первые годы после воцарения Михаила, никогда не осмеливались ставить перед собой ту задачу, которую поставил перед Швецией Карл XII, хотя нет никакого сравнения между тяжким экономическим и политическим положением Русского государства в первые годы XVII в.

и начинавшимся могуществом быстро шедшей вперед петровской России.

Те короли, при которых создавалось и крепло шведское великодержавие, не похожи были в своем отношении к России на того, которому суждено было навеки похоронить это великодержавие под Полтавой. Когда, например, Карл IX решил в первые годы XVII в. воспользоваться затруднительным положением русского правительства, то расчеты его не шли дальше стремления утвердить шведские позиции на Прибалтике, овладеть городом Корелой (Кексгольмом) и установить влияние шведов в Новгородской земле. И вместе с тем его знаменитое письмо к Василию Шуйскому и дальнейшие его обращения к царю сулили военный союз и помощь Швеции для борьбы против грозной опасности со стороны Сигизмунда III, не отказавшегося от программы обширнейшей агрессии против восточного соседа.

Король Швеции Карл IX
(1555–1611)

По мере усиления разрухи в Русском государстве аппетиты Карла IX, конечно, росли; он уже думал о прямом завоевании Новгородской земли, но никогда не выдвигал и мысли о завоевании или даже хотя бы установлении вассалитета Московского царства.

И когда после овладения Новгородом шведское правительство, воспользовавшись «вакантным» состоянием московского престола после падения Шуйского, задумало домогаться избрания на царство принца Шведского Карла Филиппа, то шведский король Густав Адольф, преемник Карла IX, всячески стремился удостоверить русских своих контрагентов, что брат его Карл Филипп, в случае избрания, будет совершенно самостоятельным от Швеции русским царем и русский народ нисколько не утратит своего суверенитета. Уже завоеванный шведами Новгород они рассчитывали

Король Швеции
Густав II Адольф
(1594–1639)

оставить за собой, но о покорении или вассалитете остальной России не было речи.

Правда, из кандидатуры Карла Филиппа ничего не вышло, и шведы натолкнулись на упорное противодействие русского населения. Но мы не будем дальше на этом останавливаться⁵. Нам важно было лишь отметить, во-первых, то обстоятельство, что шведам уже в начале XVII столетия пришлось испытать русское народное сопротивление всяким попыткам агрессии и захватов русской земли, а во-вторых, подчеркнуть, что шведские

правители начала XVII в., в том числе Густав Адольф, у которого хватило сил победоносно пройти через всю Центральную Европу и грозить существованию Габсбургской монархии, все-таки никогда не увлекались мечтой о триумфальном въезде в Москву и разрушении Русского государства.

Когда в январе 1617 г. начались русско-шведские мирные переговоры, то русские представители уже со второго совещания (7 января) потребовали возвращения Ливонии, заявляя, что она «за нами от прародителей государей наших, от государя Георгия Ярослав Володимировича, который построил Юрьев Ливонский в свое время». А шведы на это ответили насмешкой: «Ливонских городов вам за государем своим не видать, что ушей своих». Русские твердили, что Ям, Копорье, Ивангород, Юрьев (Дерпт), Ругодив (Нарва), Орешек (познейший Нотебург-Шлиссельбург) — города русские и от них русское царство не отступится, и от Корелы (Кексгольма) тоже не хотели отказаться. Но отказаться все-таки пришлось: слишком еще слабо было московское правительство после страшных десятилетних смут и потрясений 1603–1613 гг., чтобы отстоять вооруженной рукой русское народное достояние от захвата чужеземцами.

Издавательства шведов во время этих долгих переговоров, начавшихся в Дедерине и закончившихся в Столбове 27 февраля 1617 г., показывали, что никакого значения угрозам московских правителей шведы не придавали.

Король Густав Адольф торжественно поздравил собравшийся в Стокгольме риксдаг 26 августа 1617 г. с победоносным для Швеции мирным договором, подписанным в Столбове. В русской исторической литературе имеются два варианта речи, якобы произнесенной перед представителями сословий королем, — один вариант принадлежит С. М. Соловьеву⁶, а другой (не похожий во многом) — Г. В. Форстену⁷. Ни тот ни другой исследователь не дают никаких указаний на источник.

С. М. Соловьев шведскими материалами не пользовался никогда и, очевидно, доверился Н. Лыжину⁸. Форстен не только знал шведский язык, но в другом месте своей книги и по другому поводу даже называет единственный источник, на который должно было бы сослаться в данном случае, — собрание писем, указов, речей, распоряжений, оставшихся от Густава Адольфа и опубликованных в 1861 г.⁹. Но в этом сборнике вовсе нет ни приводимого Лыжиным и Соловьевым, ни приводимого Форстеном варианта. Форстенский вариант, во всяком случае, ближе напоминает слова Густава Адольфа, чем вариант Лыжина и Соловьева, хотя и Форстен тоже вложил в уста короля кое-что, чего тот вовсе не говорил. Форстен составил свой отрывок из взятых в разных частях документа слов короля.

Конечно, говоря об этом важном документе, мы должны, оставляя в стороне эти скомпонованные мнимые варианты речи, сообщить читателю основные мысли Густава Адольфа, прямо относящиеся к нашей теме и высказанные им на самом деле в более деловом тоне.

Король прежде всего поздравляет членов риксдага с «великолепной победой», «великолепным миром» и начинает с указания на то, что этот мир, отделяя Швецию от России «озерами, болотами, реками», дает стране безопасность. Россия занимает крупную часть Европы и Азии, и ее могуществом не должно пренебрегать, она победила три татарских царства: Сибирь, Казань, Астрахань. А самое важное — это уступка в пользу шведов со стороны такого могущественного государства, как Россия, крепостей: Ивангоро-

да, Яма, Копорья, Нотебурга и Кексгольма с прилегающими к этим крепостям земельными владениями.

Отныне, радуется король, Финляндия защищена большим Ладожским озером, Эстляндия — Нарвой и Ивангородом. Очень любопытно отметить, что все эти отнятые у русских земли Густав Адольф еще обозначает в этой своей речи старым, традиционным, идущим от древнего Новгорода названием «Водской пятины», граничащей «с трех сторон: с Балтийским морем, Ладогой и Пейпусом»¹⁰.

В речи короля перед стокгольмским риксдагом, произнесенной 16 августа 1617 г., Густав Адольф и не думает ссылаться на какие-либо исторические или юридические права Швеции на отнятые у России земли. Но ни ему, ни его слушателям совершенно неинтересно и не нужно придумывать какие-нибудь объяснения или оправдания — победителя не судят.

Вот наиболее характерные слова Густава Адольфа: «Итак, я надеюсь на Бога, что и русское войско также... не перепрыгнет и не проскочит через этот ручей (*ofwer denna bäcken at hoppa eller springa*)»¹¹.

Но прошло всего семьдесят лет, и русские при Петре перешагнули через «ручей» и одолели «преграду», сооруженную Густавом Адольфом из их же собственных, отнятых силой владений.

Недаром шведские послы при столбовских переговорах так «сердитовали» на московских бояр, что те ни за что не соглашались вставить в договор ручательство «за наследников царя и будущих царей» и вовсе не желали обещать, что эти «будущие цари» обязаны будут соблюдать условия Столбовского договора¹². Напротив! В Москве не скрывали, что считают этот договор несправедливостью и грубым насилием.

В Европе знали очень хорошо все те, кто интересовался международными отношениями, что в Москве еще в середине XVII в. очень болезненно переживали и вспоминали тяжелые условия навязанного России Столбовского договора. Гуго Гроций, бывший в переписке со знаменитым шведским государственным канцлером Акселем Оксеншерной, сравнивал чувства русских, вспоминающих об отторгнутых шведским насилием стародавних